Русскій языкъ.

Что въ Русскомъ, народномъ, языкѣ много словъ Турецкихъ или Татарскихъ, Монгольскихъ или Калмыцкихъ, даже нѣсколько Персидскихъ, этому нельзя удивляться; извѣстно также, что въ Русскомъ языкѣ есть слова — если смѣю такъ выразиться — общаго корня, какъ напримѣръ глаголы *стоять* или *сидѣть*, которые слишкомъ явно напомиваютъ между прочимъ и Латинскій переводъ свое stare, sedere, и Нѣмецкій stehen, sitzen. Но какимъ образомъ въ коренной, или по крайности, древній языкъ нашъ зашли слова западныя, для обозначенія такихъ предметовъ и понятій, которые принадлежатъ къ коренному Русскому быту и, казалось бы, должны, споконъ–вѣку, носить свое Русское названіе?

Берлога явно, Нѣмецкое Baerenlager; это несомнѣнно. Если *лога* и производить, какъ

логво, отъ глагола лежать, то ***беръ***, Baer, все еще остается, и созвучно этому можно дать одинъ только смыслъ: Русское взято съ Нѣмецкаго. Такъ слово: ***рольники***, то есть забавники, во время Святокъ, конечно, не Русское, происходитъ отъ ***роли***, а между тѣмъ ***рольники*** уже очень давно играютъ ***роль*** на Святкахъ нашихъ. Такъ ***фигура***, не только вообще сдѣлалась уже издавна Русскимъ словомъ, но ему дано, въ частномъ смыслѣ, такое значенiе, что казалось бы, на это должно быть слово коренное Русское: въ понизовыхъ губернiяхъ, молодые, на другой день брака, везутъ къ родителямъ ***фигуру***, огромный круглый пряникъ, на которомъ, въ срединѣ, ***чашки*** съ Русскимъ гербомъ, а по краямъ ***солдатики*** или ***шишки***. Такою же фигурою дарятъ другъ друга знакомые въ прощеный день, при прощанiи. ***Волкъ*** и Нѣмецкое Wolff также явно одно и тоже слово. Замѣчательно также, что въ порубежныхъ съ Азiатцами губернiяхъ, мужики и въ особенности казаки, завели какой–то условный съ Татарскими народами языкъ,

котораго слова не Русскія, но и не Татарскія и не Монгольскія. На примѣръ *шабры*, въ *шабрахъ* — сосѣди, по сосѣдству; *баранчукъ* — ребенокъ; *марджа, марушка* — баба, жена; *шарабара* — пожитки, въ Сибири *буторъ*; сюда же принадлежатъ и общеупотребительныя выраженія: *курганъ, кошма, кибитка,* и много другихъ.

Инородныя слова, принятыя и усыновленныя уже вполнѣ, безъ сомнѣнія, должны остаться въ языкѣ нашемъ, и тѣмъ болѣе, если однозначащихъ Русскихъ нѣтъ. Сюда въ особенности причесть должно множество Татарскихъ и Монгольскихъ словъ, которые живутъ въ устахъ народа нѣсколько столѣтій и пріуроченъ уже вовсе на Русской почвѣ. Но большею частію можно, и кажется должно, замѣнять новѣйшія иностранныя слова и выраженія, вкравшіяся въ языкъ нашъ, Русскими словами, изъ собственнаго нашего запаса — а запасъ обиленъ, былъ бы только угоденъ. Иные писатели говорятъ, или пишутъ уже по крайней мѣрѣ, *поличіе* вмѣсто портрета;

жерло, горловина **вмѣсто кратера;** ***травникъ*** **вмѣсто гербарія,** ***глыьцы*** **вмѣсто глечера,** ***народный*** **вмѣсто національнаго;** ***дневникъ*** **вмѣсто журнала; — словъ и выраженій много, стоитъ только приноравливать ихъ исподоволь, принять и обусловить. Кому родное дитя не милѣе пріемника? Но изобрѣтать словъ почти не должно, а составлять и сшивать изъ двухъ или трехъ, не годится вовсе; это противно духу нашего языка и очень рѣдко удается. У насъ недавно предлагали замѣнить слово pendent, говоря на примѣръ о картинѣ, словомъ** ***противень,*** **или, какъ думали другіе, словами** ***соотвѣтствіе, соотвѣтственность.*** **Первое вполнѣ выражаетъ Нѣмецкое: GegenstЯck, но неудобно потому, что противень означаетъ уже на Русскомъ языкѣ снимокъ, списокъ, отпускъ,** ***копію.*** **Второе вовсе не въ духѣ Русскаго языка и словъ этого покрою надобно остерегаться, если не хотите исказить языкъ свой вовсе; лучше уже принять Французское слово цѣликомъ, чѣмъ примѣнять свое на такой ладъ. Прошу**

извиненія — но коснувшись этого предмета не могъ удержаться отъ такой замѣтки. Pendent переводится Русскимъ словомъ *ровня*, или еще лучше *дружка*. Вообще не должно требовать, чтобы каждое иностранное слово передавать непремѣнно однимъ только словомъ, налагая на него обязанность отвѣчать во всякомъ смыслѣ за противень свой. Богатство языка, безъ всякаго сомнѣнія, заключается, отчасти, также и въ томъ, чтобы для всякаго предмета и понятія было нѣсколько выраженіе, такъ сказать, цѣлый подборъ, изъ которыхъ иные отвѣчаютъ за одинъ смыслъ или значеніе, другіе за другой, а третьи представятъ собою просто различныя оттѣнки одного и того же свойства, качества или понятія. Примѣры для этого всего удобнѣе брать изъ просторѣчья нашего, гдѣ поневолѣ изворачиваются роднымъ языкомъ своимъ, потому что другаго не знаютъ, тогда напротивъ какъ мы, зная два, три языка — иногда даже лучше своего — слишкомъ торопливо заимствуемся иноязычнымъ словомъ, если не подберемъ

на–скоро въ памяти своей выраженіе доморощенное. И такъ, для примѣра, посмотримъ, какъ простолюдинъ объясняется, если хочетъ сказать, что у него не везетъ лошадь. Онъ говоритъ: *лошадь оскласъ*, если она дернула сгоряча тяжелый возъ, словно не расчитавши напередъ сколько въ немъ грузу, дернула, не тронула его съ мѣста, и стала; если же умѣючи прикрикнуть на нее, то она вытянетъ его, свезетъ. *Лошадь затянулась*, если она стала отъ того только, что не ловко взялась: хомутъ легъ на душу, то есть на горло, у лошади не стало духу; дайте ей оправиться, перевести духъ, и она повезетъ. *Лошадь зартачилась*, если она съ норовомъ и не пошла отъ того только, что упряма; но она не измучена и грузъ ей по силамъ. Наконецъ *лошадь пристала*, коли она выбилась изъ силъ вовсе и не пойдетъ больше, хоть выпрягай. Даже выраженіе sнrieux, которое считаютъ не переводимымъ, а потому и положили писать и говорить: *сурьозный*; даже и это, большею частію по крайней мѣрѣ, можно хорошо

перевести, по обстоятельствамъ, словами: важный, дѣльный, значительный, степенный и прочее. Если станемъ прислушиваться къ Русскому говору, то найдемъ множество словъ — не говоря уже о рѣченіяхъ и оборотахъ — которыхъ мы доселѣ и не знали, или ими не пользовались; хотя, по совѣсти, затылка имъ забривать не за чтѣ. Такъ на примѣръ, мы услышали бы *путина* вмѣсто *рейса*, въ смыслѣ морскаго похода до извѣстнаго мѣста и обратно; *путевникъ* — вмѣсто дорожнаго журнала; и слово это, по образованію своему, очень хорошо обозначаетъ подразумѣваемое и ясно отличается отъ слова путникъ. Услышали бы, можетъ статься, *насылка* вмѣсто адресса; *опознаться*, вмѣсто оріентироваться; *опознавать* вмѣсто рекогносцировать, и вспомнили бы при томъ, что есть еще другое, мало употребительное, но хорошее, пригодное слово: *обознаться*, то есть ошибиться, принявъ одну вещь за другую или одного человѣка за другаго. Услышали бы также *марево*, вмѣсто миража; *гнёть*, вмѣсто

пресса; *заломъ*, вмѣсто ниши, — а *подножье* или *стояло* вмѣсто пьедестала — и еще множество такихъ выраженій, которыхъ даже нельзя и перевести однимъ или двумя словами на другой языкъ, потому что они уже вовсе Русскія. Для послѣднихъ, приведу сперва въ примѣръ слова всѣмъ извѣстныя: *милый* (не любезный), *пріятель* (не другъ) и всѣ оттѣнки цвѣта, который у Нѣмцовъ называется grau, у Французовъ gris, а у Русскихъ: *сѣдой, сѣрый, сизый, сивый, дикій, зольный, пепельный, мышастый* — и даже *голубой*, какъ говорятъ: *голубая лошадь*, — а потомъ еще: *сѣроватый, сѣрёшенекъ, сѣдымъ сѣдёшенекъ, съ сѣдиной, съ просѣдью*, и прочее — попрошу перевести это все, каждое выраженіе однимъ словомъ, на какой угодно языкъ! А вотъ, для примѣра только, и другія, едва ли переводимыя выраженія, которыя не вошли еще въ письменный и даже словесный языкъ нашего образованнаго общества: *спознаться, наслушивать* рукою, *прикинуть* портному платье, если онъ на

меня не угодилъ; *спопутность*, то есть благопріятныя обстоятельства; *обослаться* поклономъ, *обсылаться* съ кѣмъ либо подарками; *солнопекъ*, *ухлюпи*, *подзимки*, *попощенъ*, *зарница*, т. е. вечерняя звѣзда — *старица*, *доправить*, *подмаячивать*, *наболить*, *доспить*, и прочее, и прочее. Если же мнѣ скажутъ, что все это лишнее, что можно обойтись и такъ, что усыновленныя и день деньской вновь усыновляемыя слова и выраженія лучше, понятнѣе, яснѣе — то замѣчу, что волосъ противъ шерсти не ложится, сколько его ни чеши, а языкъ Русскій по чужимъ образцамъ не выработается, коли не перебродитъ на своихъ дрожжахъ, сколько его ни холь. Вотъ отчего, не во гнѣвъ сказано, мы и пишемъ теперь:

«Вотъ уже третія книжка, мы стараемся помѣщать по три описанія лицъ и произведеній» — или «а ежели который успѣвалъ приблизиться, заслуживалъ славу, что однакожъ случалось очень рѣдко» — или: «виною всего наша ограниченность, послѣ чего идеалъ становится

недостижимымъ» — «онъ умный софистъ, не болѣе, если что нибудь не хуже» — «но за то историческія ощущенія поселяемыя ею, сильнѣе нежели отъ прочихъ,» — и прочее, и прочее. Сошлюсь на кого угодно, хоть на самихъ хозяевъ, и спрошу: по Русски–ли это? А между тѣмъ, чужія слова тянутъ за собою гужомъ и цѣлый поѣздъ чужихъ, неумѣстныхъ оборотовъ, и господа поѣзжане эти не могутъ ни растолковаться съ нами путемъ, ни побесѣдовать съ легкой руки, отъ души да отъ сердца, ни взвеселить, ни порадовать, ни опечалить, ни утѣшить. Коли взгруснется съ ними, такъ взгруснется оттого, что ищешь поищешь — своихъ нѣтъ; коли разсмѣешься, такъ разсмѣешься недогадливости ихъ, что окрутниками ходятъ, а сами того и знать не знаютъ.

Не говорите, чтобы мнѣ хотѣлось разжаловать и сослать въ ссылку всякое не Русское слово: нѣтъ, люди добрые, сами вы видѣли, я говорилъ не то. Русскому солдату, какъ на стѣну полѣзетъ, нельзя не кричать: Ура! а ура слово Татарское; это

повелительное наклоненіе глагола *урмакъ*, бить.

В. Луганскій.